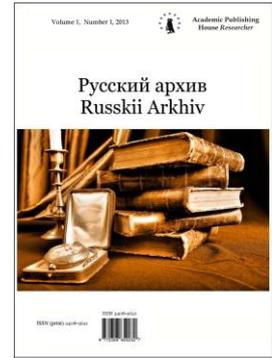

Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkii Arkhiv
 Has been issued since 1863.
 E-ISSN: 2413-726X
 2021. 9(1): 44-56

DOI: 10.13187/ra.2021.1.44
www.ejournal16.com

Publications of Sources

War: Collective Farm and Prison. Interview with A.S. Filimonova from the Lebiazhenskii Hamlet, Sholokhovskii district, Rostov Oblast

Preparation for publication, introductory article and comments

Tatiana Iu. Vlaskina ^{a, *}

^a Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

A fragment of a large autobiographical interview with Anna Sergeevna Filimonova is dedicated to the war period. Anna Sergeevna belongs to the Filimonov family of the Upper Don Cossacks, who made a significant contribution to the events of the Civil War and collectivization. Anna Sergeevna herself in the first days of the Great Patriotic War became a tractor driver of the collective farm named after S.M. Budyonny. At this time, A.A. Plotkin (a recognized prototype of the hero S. Davydov of Virgin Soil Upturned) was a head of this collective farm. Having arbitrarily taken from the store the vegetables that were due to her as payment for her work days, Filimonova commits a serious offense, which is assessed by the laws of wartime as theft of socialist property, and receives 5 years of correctional labor. In her interview, Anna Sergeevna talks about the daily life of the youth of the wartime collective farm, about selfless work, youthful enthusiasm, but also about constant hunger, formalism and neglect of people by the leadership. She continues the theme of everyday fatalism in a story about prison life, which turns out to be inscribed in the usual realities of war. As a bearer of the Cossack tradition, A.S. Filimonova conveys the details of her life in a juicy Upper Don dialect. Folklore images, omens and superstitions are woven into the fabric of everyday story. Interview with A.S. Filimonova is a valuable source on everyday wartime life and the worldview of Soviet people in the first half of the 20th century.

Keywords: A.S. Filimonova, autobiographical story, collective farm, fate, hunger, Lebiazhenskii hamlet, prison, war.

Одной из задач устноисторического исследования является постижение внутреннего мира свидетеля эпохи – выделение общего и особенного в образе мыслей, проблемах и устремлениях человека того или иного времени, задававших вектор жизненных стратегий в контексте исторической повседневности. Решение подобных задач составляет методическую основу непосредственного обращения к главному предмету устной истории – субъективной реконструкции прошлого, представлению былого в контексте восприятия событий современниками (Щеглова, 2011: 47). Смещение акцентов исторической науки от изучения

* Corresponding author
 E-mail addresses: vlaskiny@mail.ru (T.Iu. Vlaskina)

выдающихся событий и деяний «великих людей» к проблеме взаимодействия мира и человека в истории привело к развитию научной биографистики – направления, в русле которого эпоха рассматривается сквозь призму судьбы конкретного человека. Современный прогресс биографического направления связан с переходом от селекции к анализу. От иллюстрирования господствующего в обществе исторического мифа подходящими эпизодами из жизни респондентов к выявлению вариативных мифов, существование которых возможно в определенном временном и событийном диапазоне. Вариативный исторический миф может быть личностно обусловленным и совершенно индивидуальным. Однако в большинстве случаев мы имеем дело с групповыми моделями, отражающими мировоззрение сообществ, различающихся по этническим, половозрастным или социальным характеристикам (Щеглова, 2008: 19-20).

Названной цели лучше всего соответствует стратегия минимального вмешательства в монолог респондента. При таком проведении интервью предполагается, что интервьюер дает информанту возможность самостоятельно выбирать темы и сюжеты, выстраивать свой рассказ. Полученный гипертекст представляет собой цепочку смысловых блоков, логика сочетания которых, как и общее содержание отражают мыслительную работу рассказчика и присущие ему ассоциативные связи (нарративную компетенцию) (Воронина, Утехин, 2006: 18–19). Гипертекст может быть весьма объемным, несмотря на обрамление вводными и заключающими элементами, он редко является цельным повествованием. И хотя именно в целостной форме расшифровка интервью наиболее ценна для анализа, при необходимости она легко может быть разъята на тематические фрагменты.

В настоящей публикации представлен фрагмент автобиографического интервью Анны Сергеевны Филимоновой 1921 г.р., уроженки хутора Лебяженского Шолоховского района Ростовской области. Интервью проводилось автором в 2004 г. в доме респондента и заняло 5 часов 25 минут. Во время записи присутствовали 5 студентов-практикантов специальности «Этнолингвистика» филологического факультета Ростовского государственного университета. Обстановка, в которой проводилось интервью, сказалась на результате меньше, чем можно было бы предположить, поскольку на момент беседы А.С. Филимонова практически утратила зрение и в значительной степени слух. Студенты были дисциплинированными пассивными слушателями, не принимали участия в беседе. Однако некоторые последствия того, что посещение носило коллективный характер, все же гипотетически возможны. В частности, заметно отсутствие жаргонной и бранной лексики, а также сюжетов рискованного содержания (с точки зрения хуторских приличий). Наличие подобных явлений практически неизбежно в речи респондентов с тюремным прошлым, а исключение может объясняться самоцензурой.

Семья Филимоновых относится к коренным казачьим родам земледельческого Верхнего Дона. Филимоновы фигурируют в войсковых документах XVIII–XIX вв., в послужных списках времен Первой мировой войны. Хутор Лебяженский, до революции 1917 г. входивший в Вёшенский юрт, в конце 1920-х – начале 1930-х гг. стал особенно известен в связи с драматическими коллизиями коллективизации. Не случайно в конце 1970-х гг. в хуторе, имевшем не более 40 дворов на протяжении всей своей истории, был поставлен памятник плугу как символу крестьянского труда и колхозно-совхозного строительства на Верхнем Дону. До 1957 г. в Лебяженском располагалась центральная усадьба колхоза им. Буденного, у истоков которого стоял двадцатипятидесятничник А.А. Плоткин – признанный прототип героя шолоховской «Поднятой целины» С. Давыдова (Скорик, 2007: 136-137). И здесь Филимоновы оказались в числе передовиков: «Да у меня как были бы пять дворов Филимоновых – вот был бы колхоз!», – с гордостью вспоминает Анна Сергеевна слова председателя. Многие из происходившего в Лебяженском и соседних хуторах отсылает к страницам романа, что дает своеобразный ключ к пониманию колхозной повседневности военного периода, отраженной в воспоминаниях А.С. Филимоновой. Необычность рассказа состоит в том, что в нем отсутствуют типичные для военного нарратива сюжеты, связанные с фронтовыми буднями, оккупацией и т.п. Вместе с тем, война, буквально «вышедшая на сцену» колхозного клуба вместе с председателем сельского совета, далее сквозит во множестве деталей описываемой повседневности. Война проявляется в самоотверженной работе тракторной бригады, где женщины и молодые девчата заменяют мужчин, ушедших на фронт. С войной связано всепоглощающее чувство голода, которое толкает героиню на

воровство, и войной же объясняется чрезмерно строгое наказание за опрометчивый проступок. Война ломает судьбу Филимоновой. Отставленное в день объявления войны сватовство оставляет ее обездоленной – незамужней и бездетной. И в этом смысле Анна Сергеевна, большую часть военного времени проводящая на исправительных работах, а не на фронте, является полноправным представителем военного поколения.

Самобытный язык и формульное построение рассказа выдает в А.С. Филимоновой носительницу традиционной культуры донского казачества. Ее речь изобилует метафорами, образами и фольклорными реминисценциями, лексическими и фонетическими диалектизмами. При описании хронотопа войны рассказчица использует образную подвижность временной субстанции, заметно растягивая его по сравнению с реальностью. «Вот, стало быть, пошла война. Идёт война год, другой, третий, четвёртый, пятый...», говорит она, описывая только события до заключения, то есть примерно до конца 1942 г. Погружаясь в безвременье тюрьмы, сама она лишается возраста, превращаясь в «бабку» и вновь обретает молодость после освобождения. Пространство повествования также мифологично: как библейская пустыня египетская оно мало и огромно одновременно. Долгие переходы, многодневные переезды, недельные стоянки на тупиковых путях не выходят за пределы расстояния в 260 км между станцией Вёшенской и станцией Звереве. В этом же диапазоне находятся тюрьмы, пересыльные пункты и исправительно-трудовые колонии, в которых Филимонова содержится и отбывает наказание. Но парадоксальным образом миниатюрность топоса никак не влияет на то, что в этом свернутом мире люди также испытывают мучения и умирают в дороге, как и на гигантских сибирских перегонах. В целом Филимонова воспринимает коллизии своей жизни фаталистично. С одной стороны, чувствует себя особенной, отмеченной злой судьбой с самого рождения: «девка от голодного года»¹ – она была лишена даже положенного всем младенцам горячего (крестинного) обеда. С другой стороны, Филимонова, напротив, представляет себя такой же, как и все, «как весь мир», довольно своеобразно аргументируя: «я думала весь мир сидеть». Видимо, эта мысль особенно важна для ее самопозиционирования в социуме. Рассказчица озвучивает свою «формулу единения» неоднократно, вкладывая ее в уста случайных попутчиков на пути домой солдат-фронтовиков: «У нас матеря, у нас сёстры, у нас дети... все сидят по тюрьмам, все страдают».

В подготовленном к публикации тексте интервью аудиозапись передана, в основном, литературным языком с соблюдением норм орфографии и пунктуации. При расшифровке сохранены особенности речи информанта в тех случаях, когда звучание слов существенно отличается от литературного и может выполнять роль этнокультурного маркера. К таковым относятся фонетические особенности: яканье в безударной позиции, когда в первом предударном слоге гласные "е" и "я" совпадают в "я": *мяне, всегда, сястре* или в "а" после "ж" и "ш" (*жаниться, жаних* и др.); деаффрикация звука [ч'] (*единолично, мальщик, рецка*); замена фонемы [ф] на другие (*приадумаушишь, хвортка*); смягчение согласных в конце слова (*идуть, живут*). Лексические: замена окончаний при склонении существительных, прилагательных и спряжении глаголов в связанных конструкциях, указывающее на отсутствие в говоре среднего рода (*белая облака, лета прошла*) и некоторых других. Все это характерные черты русских говоров Верхнего Дона, они передают колоритное звучание и образный строй интервью.

Вопросы интервьюера выделены полужирным шрифтом, пояснение автора – курсивом, в квадратных скобках внесены пропущенные слова.

Анна Сергеевна, когда Вы родились, колхозов ещё не было?

Не было, не было, а были голода, мне рассказывали. Я народилась маленькая, и вот, меня, значит, надо было перякстить, а не на чем было [ехать], понясли мяне пеши в Ялань, перякстили, оттудва пришли... А обычно должен быть обед, н-ну угощать крёстных, отца с матерью, ну кумовья... Мама тогда, чё ж, вскипятила самовар, напоила чаем, ну и всё. Вот и был горячий мой обед². И вот я всегда гворю, как мама говорила: когда я зародилась,

¹ Девка от голодного года – букв. родившаяся во время голода, *диал. перен.* старая дева (БТСДК, 2004: 111).

² Горячий обед – *обр.* поминальный обед в день похорон (СДГВО, 2011: 364), здесь – крестинный обед.

несчастный какой-то год был, видите, так моя и жизнь так-то прошла. Да-а вот... Живу я всегда одна. Перед войною – ня знали, что война, а был у мяне жаних. Ну и говорить, а мать его меня не хотела брать, а-а... он и говорить: «Вот завтра собрания будет колхозная, а после собрания придём сватца». А я грю: «Ой! Да то, пойдёт мать за мене сватца! Она же мяне не хочеть, ня дай Бог как!». А он мяне говорить: «Ну, я тебе говорю! Правду, что придём!». Ну, я иду с радостью. Сказала своим, папане, маме, и-и сястре, брату. Нас было два брата, две сястры, и я была пятая. Ну энти были жанатые. Ну вот. Ну, они остались дома готовить, а я пошла на собранию. Я уж работала прицеппицею на тракторах. Ну вот, открыли собранию. Был председатель Греков Павел Игнатьич. Ну и вошёл на сцену. Было много в клубе народу – пять бригад: Краснояровская – первая бригада, Лебяженская – вторая бригада, Подгумёнская – третья, Еринская – четвёртая, Хрянкоуская – пятая. Наш Лебяжий на два хутора дялился <...>. Вот тябе, входят, говорить: «Павел Игнатьич, вас, мол, к теляфону», ну, он пошёл. А он какой-т такой был... простой такой, как и мы. Приезжий. Ага, такой... с нами всегда он обходился так, как и мы. Ну вот... И входить на сцену и так (*информант показывает, что председатель молча хватается руками за голову, а потом хлопает себя по бокам и не может ничего сказать*). А мы все сидим, полный клуб. И опять (*снова показывает тот же жест*), и ничё не говорить. До трёх раз так. А потом: «Товарищи! Война!». О-ой... все помёркли... И остались все вопросы. И стали люди выходить. Пеши ходили с Ерика, с Краснояровских, с Хрянков – все сюда, на собранию. Клуб у нас тут был в Лебяжем дли-инный, большой, под соломою, и окна маленькие были. У нас было три амбара, а у нас в колхоз один забрали амбар на клуб, сломали. У нас под хлеб были когдай-та, мы когда единолично жили – я нямножко помню. Ну и вот, и в этом клубе нас много-много. Скамейки были такие-то вот тут, сидим все. Ну и чё ж, начали всяк своей бригадой люди выходить, курагодом!¹... Ну да, и позадумаушись о так-та... и стоять... Ну, и по-ошли домой. Ну а к вечеру, ня знаю ко сколько часам, двянадцать человек доразу с Лебяжьего забрали новых на войну. Призывники. Мой брат служил, там, там он служил. А это уж брали, как ба сказать, и постарше и помоложе. Я их всех помню. Тридцать четыре человека с Лебяжьего не вярнулись. Всех знаю. Н-ну вот, ну и забрали этих... ну вот и всё. Вот я и осталася непросватанная. Собрания-т объявили, а за мной сватца не пришли. Раз уж война, знач и всё... и я осталась. А я... так яво... ну любила.

(Фрагмент о том, как информанта мобилизовали на строительство аэродрома)

Ну вот... Вот, стало быть, пошла война. Идёт война год, другой, третий, четвёртый, пятый... Нас, когда война началася, нам стали, молодёжи, предлагать: кто куда – кто хочеть на окопы, а кто хочеть на трактора. А я работала на прицепах, трактор знала. Я, бывала, уж подменяла тракториста: обогнать его – он атдохнёт. Мы работали у Андрея у Акользина з жаною, с Пятроунай. Ей, бывало, дома некогда, она говорить: «Нюся, я буду ночью работать, а днём-то я буду дома делать. А ты хочешь поиграть, на игрищах² побыть – ты уж работай днём, а я буду работать ночью». А я-то, бывала, прибягу с прицепов и на игрища к Дону, на игрушки. Там играем то в мяча, то в третий – лишний... Ну вот, стал быть, нам стали предлагать. А я как трактор знала, да говорю: «Я пойду на трактор!» – «Ну, пожалыста – иди на трактор». Катя Ковалёва пошла, я пошла на трактор, Нюська Самойлова. Марьяна Нечаева учётчиком была у нас. Васья Сафонов был бригадиром. Антон Иваныч был... как вот, знаешь, его на войну не взяли, а оставили, чтоб помогать тут, ага, и Андрея Акользинова. Ну, мы стали работать. В зиму нас... ходить нам на ремонт тракторов в Колундаевку, наверна двадцать километров пеши.

Пеши?

Пеши. Ну, а чё ш? Вот, хоть и в зиму, хоть осинью идём. Прибягаим домой, а брат почти нечего с собой. Ну чё? Картошки возьмёшь, да тыклочки³. И – на сабе и пошел напрямую, через свою вот поля: там Пузанов, Заикин, от Заикина уж Горохов. Там... потом его звали «дед Щукарь», а он был простой дядочек, а потом мы слышим, что яво называют «дед Щукарь». На нём шуба какая-то была белая и зимой, и летом... ну, и [у] меня папаня

¹ Курагод, корогод, карагод – *диал.* з. гурьба, собрание молодежи (БТСДК, 2003: 233), 4. шумная толпа, гурьба (СДГВО, 2011: 262).

² Игрища, игрушки – *диал.* гуляния молодежи на улице, обычно по вечерам (СДГВО, 2011: 218).

³ Тыклы – *диал.* тыквы (БТСДК, 2003: 535), тыкочки – уменьш. к тыклы.

тах-то ходил. Не в чем было... Вот зайдём, а он говорить: «Дяфчат, ну как же вы пойдёте домой? Ить гля: все дороги занясло». – «Дедушка, да мы по боярынкам¹: вон боярынка, во-он. Вон до боярынки, а от этой боярынки пойдём вон туда по боярынке, а аттэда... а как дойдём, дедушка, до Заикинова, да мы уж в своём поле – дома». Ну, там уж дом. Вот такой снег (*информант показывает высоту снега выше пояса*), лезем... ах, Бож-же мой! И ни с роду не боялися ни холоду, ни голоду. А отбудем там неделю – рады домой! Пеши! Рысью! Нарысцы да и...

(Фрагмент с описанием работ в ремонтных мастерских).

А с кем же на игрищах играли?

Да то, никого не было почти ребят, всех забрали. Есть такая частушка, я всегда её... иногда говорю: «Ой, война, война, чаво ш ты наделала? Да забрала ты всех ребят, да как ты нас обидела!»

(Фрагмент с описанием молодежных игрищ).

Ну вот. Вот и война... Идётся, идётся война, нам на трудыдни ничё не дают. Давали тыклы, кавуны². Они вот тут над хутором народилисы много-много. Ну чё ш: все получают. Папаня у мене был, он как инвалид, а мама была больная какая-то старенькия, а сестры ни было, брат ж служил в армии... А получить тыклы... ну, невозможно. Люди едут, получают, и быкоу им дают, и всё. А нашим, моим дедам³ – кто там об них понимает? Ну вот, я стало быть и ряшила... Работаю на тракторе ночью пад Волоховым, да говорю: «Да надо же тыклы получить. Чем же зиму жить?». И леваду садили, свои же тыклы были, но ведь эти же надо получить? Ани ж мои трудовые! Вот, значит, останавливаю трактор и аттудова на рысцы дамой. Ночью прибегла. Мама с папой спят. Я па-маленичку вошла, вышла, глянула: ага, коровы ляжать в дворе, ага, ня выпустили их за двор. Взяла их, запрягла в поворозочку, – такая была, папаня сделал, – и поехала эти тыклы брать на иродром⁴, сюда. Были порытые такие блиндажи для горючего... и связли эти тыклы все в блиндажи, уж всё. Ну, а я на этих коровах и поехала, наклала в эти арбочки⁵ тыклов. А мама говорить: «Чё эта, Нюрка вроде была, а куда она делася?» Вышла в двор. «Ну, она гдей-т на коровах поехала: кароу нету и арбёнки этой в дворе нету». Вышла та на г[о]ру, а я уж наклала их, вязу. А в тракторной было собрание, а моя подружка там работала в бригаде учетчицей, а я-та работала в тракторной, трактористкой, это мы как бы разна (разные, в разном положении? – Т.В.) были. Вот и идётся оттуда, с собрания, и завидела, что мы едем с этими, стал быть с тыклами. Ну вот, подходить и вот так: поглядела, поглядела, повярунулась и пошла. А мама говорить: «Нюрка, это ж кто подходил?». А я г[ово]рю: «Да Полькя Хозина». А она: «Ой, да чё ж бы ты не попросила, да хоть бы она молчала». А я говорю: «Ху, да я ей скажу, нехай запишут сколько мне прилагается центнеров, да и всё! Она же ведь там в правлении будет...» Она опять: «Ой, Нюрка, да нет же...». А я и побегла её догонять. Ну, догнала: «Поля, Поля... да ты же там скажи... да так и вот так, там да запиши, сколько мне центнеров тыклав этих припадать, да подай пожалыста...» Она мне ничё не сказала. Ну, привязла я эти тыклы, сложили, всё. Спичек не было. Я в печи достала уголёк. Из печи – то ж берягём, завтра растапливать – и с этим уголькём бягу, что есть мочи, чтоб он у мене не затух до трактора. Километра три или четыре, ну, далёко до Заикинова. Ну, прибегла, наломала бурьянку, – это как обышно мы так-то, это... раздула бурьянок, подогрела трактор, завяла и поехала. Раза три или четыре прогнала. Солнышко поднялось так, в дуб⁶, о так... Ну, вот, я гляжу: кой-то едет верхом. А я говорю: «Ой, наверное, грю, Полькя либо доказала? Уж чей-то едет ко мне, я говорю, Лёвин верхом?» Ну и... он подъязжает, стоит, а я падъяжжаю на трактори, он махаёт: «Остановись!». Я остановилась. Он и говорить: «Тебе в совет зовут».

¹ Боярынки – здесь - кусты боярышника от боярыня – *диал.* боярышник (БТСДК, 2003: 53).

² Кавун, кавуны – *диал.* 1. арбуз, 2. тыквы определенных сортов (БТСДК, 2003: 203).

³ Деды – *диал.* дед и бабка (БТСДК, 2003: 129), родители жениха на свадьбе (СДГВО, 2011: 135), здесь – пожилые родители.

⁴ *Искаж.* аэродром.

⁵ Арбочка, арбёнка – уменьш. к арба – *диал.* длинная высокая повозка с решетчатыми бортами (БТСДК, 2003: 23).

⁶ Солнце в дуб – *диал.* 1. положение солнца невысоко над горизонтом «на уровне леса» на рассвете или на закате, 2. Положение солнца на небе около полудня (СДГВО, 2011: 558).

А я: «Ага, а мне бригадир будет ругать, что я остановлю трактор, ня выполню план пахать». А он говорить: «Уж всё люди знают. Пойдём». Ну, я остановила трактор, идём с ним. Идём по дороге. А дорога одна сюды в Лебяжий пойдёт, а совет был туда, в Подгумённый, в этот край. А говорю: «Николай Иванович, я зайду домой?». Я-то чувствую, что чёй-то ня так. Ага. А он говорить: «Нет, няльзя». И так, с коня о так вот вярхом руку протянул, взял мяне за плячо и вядёт мяне в совет. Ну, привёл. Я вхожу, в совете сидить Суковатов, – был этим... мильцанером, а Ларя был председателем... и кладовщик сидить наш, хугарной, Красноярофский Фомич. Их никого уже нету. Ну вот, я вхожу, а они у мяне спрашивают, мильцанеры у мяне спрашивают: «Ты где была ночью?». А я так: «Да работала» – «Да как работала?». А эт, председатель сидить и говорить: «Да мы уж были у вас, нам мать сказала, что вы ездили за тыклами». А я: «Ой, нет, я одна ездила!». Мама-то мяне встрела. Мама ни ездила, но когда она к нам подошла, мы ж обоя с мамою были. А я-т хочу маму оправдать: «Не-ет, одна ездила, мам ня ездила!». «Ну, так, хоршо. А где ж ты ишшо была?». «Ну, а больш я нигде не была...». «Мы пойдём к вам обыскивать!». Ну, идите. Я сижу, жду. В тракторном во всём: плащ-палатшная на мне юбка, солдатские гетры, шерстяные чулки, куфайка¹, пряжкой подпоясанная и чёрный какой-то платок... Летом – так-то, больше чё? Ну вот. Они пришли обыскивать нас. А тыклов была полна хата. Наши тыклы, да я еще привязла на арбе и тоже туда сложили. Ну и вот тебе: тыклы, ага, «вот они воровашные тыклы!» Раз воровашные – а мы ж их вроде не украли, а раз уж мы их привязли ночью, знач они краденые. Ну, подгоняют быков сколько пар, взять эти тыклы. Я в совете сижу. Это мне дома-то рассказывала мама. Погрузили тыклы и увязли, папаня с маманей видали, а я ж в совете сижу арестованная. Ну вот. Потом, знач-ца, находят в ступе просу пригоршню и говорят, у мамы спрашивают: «Где вы просу взяли?». А мама говорить: «Да я Нюрке носила харчей на поле, да на дороге насмятала». «А-а! Ну ладно...». Ну, всё это. Опросили маму с папой, приходят в совет, начинают у меня спрашивать: «Где вы взяли просу?». А я почём знаю, чё мама скажет? А я так: «Да я шла с работы, да на дороге насмятала». А правда: я шла с работы, зашла на ток и сабе в корзиночку набрала. Ну, исти жы нечё. Хатица ж её этой... хоть просы, а её ни уворишь, её пока не оттолкёшь в ступе, а потом сворим, да ядим. А вот это мама носить мне баландики² туда пообедать, в тракторную. Ну и вот тебе, стал-быть получилось так, что говорить: «Ну, чё? Вор!». Я поймалася с этим, с просом. Прихожу домой, а мама говорить: «Я сказала, что я». А я сказала, что я. «Ай-яй-яй-яй-яй! Будем обоя сидеть!». Ну, тогда бутылку, бывало, возьмёшь зерна на току – украсть надо. Хлеба было много-много-много, а взять нельзя! И десять лет. Как хош. Хош... так мы, бывало, молока с собою если возьмём... её не доставалоса, а там выпьешь молоко, в бутылку зёрнышки нальёшь, да где-нибудь отнясёшь, схоронишь. А когда идёшь домой и тогда её возьмёшь, положишь в сумку, да и принясёшь, куты сворють, да поешь. Ну во-от... Тогда, стал-быть, прошло это всё. Начинает бригадир говорить, что мяне-ж посодють. Написали мени, что вроде, два пуда проса они у нас нашли! Ну да. Нашли-то в ступе. А мама на себе берёт, я на себе. Знач-ц мы её много наворовали, да либо поели или уж как, они там ня знают, а сложилось у них дело. Вот табе: бригадир и говорить: «А мне трактора некому ремонтировать!». А я так... вроде всех больше знала. Так бывало: «Нюська, ты туда, Нюськ так, Нюськ сяк». Я, бывало, всё знала. Приду к девчатам: «Вот, вы ни протёрли склом³ клапана!». Намнём скла, а потом в масло кунаем⁴ и-и трём их! А тада ш поршенец закладываем...

(Фрагмент о подготовке трактора к работе).

Ну вот. Стал говорить, что мне трактора некому ремонтировать, как же я буду? Как бы сказать... хорошая, мол, работница, а вы её у мяне заберёте, а у мяне опора толька одна. Ня то, чтобы там, а просто хотел меня задержать. Ну и... ничего. Всё равно в суд передали. А у нашей у сястре стоял прокурор в квартире. Ну чё ж? Пойду я его просить. Пришла, стала говорить, рассказывать, а он говорить: «Ну.. ну... ну...». А сястра говорить: «Да вы пояжжайтя, да поглядитя как они живут! Да как они рабочие! Какие! У нас брат был,

¹ Куфайка – диал. стеганая куртка на вате, фуфайка (СДГВО, 2011: 290).

² Баландика – пустая некачественная пища, уменьш. от баланда (СДГВО, 2011: 33).

³ Склом – диал. стекло (БТСДК, 2003: 488).

⁴ Кунать – диал. макать, окунать (БТСДК, 2003: 250).

страшно работал! Бывало Плоткин¹ скажет: «Да у меня как были бы пять дворов Филимоновых – вот был бы колхоз!». Откровенные были, брат работал, и сестра Маша работала, и сестра Женя работала, и папаня работал, и я же работала, и все мы работали... Ну вот. Он, стал быть, чё ш? Гворить: «Тебе надо документы от директора, что ты хорошо работала». Подтолкнул мне, сказал. Ну, я чё жы? Убралась, пришла домой с Вёшек. Со слязьми! Ну да чё? Ху, да чё я буду там? Подумаешь – я пойду к директору, попрошу...

(Фрагмент о том, как директор отказывает инф. в помощи).

Ну и... горя за горя горячь... пошли ж на трактора. Оставил меня бригадир трактора ремонтировать, чтоб отремонтировать, а то б мне мож сразу посадили б. Ну и стали трактора ремонтировать, отремонтировали трактора, он говорить: «Ну, Нюська, иди, проверь все дефекты. Ды, говорить, первая наша бригада вышла по ремонту, ды домой пойдём к Петюшке на сва-адьбу – тут один жанился. Ну вот... я и побегла. Прошла, поглядела: все болтики, все винтики и всё-всё подкручёна, всё пообмыто, всё правильно сделано. Ну и хочу идтить докладать, что нехай идёт жы комиссия проверять, и тольк так от тракторов и девчата бягуть ко мне курагодом: «Нюська, Нюська, тебя в контору зовуть!» <...>. Ну я иду, иду, а милиционер стоит в проходной и спрашивает: «Кто из вас будет Филимонова?». А я говорю: «Да я». «Ну, пойдём со мной». А я сразу: «Ну что, мне посодють?». И пошли домой. На грузовой машине, он стал быть приехал же за мной, мильцанер. Ну идём с ним туда, в контору в Колундаевку, а я говорю: «Я зайду на квартиру к бабушке?». У бабушки стояли, а уж на-вечер. Он: «Ну, бяжы, а в контору придёшь». Ну я и побегла. К бабушки забегла, вбегла в хату. Бабушка сидит на печи, внучёк сидит о так тут, о такая-т плита – печь приложена у там, в уголочике. А я полезла, бабушку поцеловала: «Бабушка, мне щас посодють!». А она так: «Да ты что, дочинка!». «У-у, бабушка, а чё ж?». Ну, слезла оттуда, я пацана этого поцеловала... Толик. А из энтай хати, - связь у них была хата, квартирантка, Ивановна - бессарабка, что ль она? В войну осталась. Входить: «Ты чего?». «Да я, грю, Ивановна, мне щас посодють!». Она пошла в хату, и вынесла мне таких... принясла две лепёшки: «На, а то ты же голодная, и домой ить теперя, грить, не пойдёшь и отсюда уйдёшь голодная». «Не надо, Ивановна!». Думаю: «они ж сами же там тягають, едят»... ну, взяла. Взяла эти две лепёшки. Солдатские на мне гетры с шнурками, чулки шерстяные по колена. Штанишек никаких не было, не. Плащ-палатошная юбчёнка, куфайчёнка пряжкой подпоясанная... Как сюды меня приводили зимой – тах-та было. Ну, подхожу, посадили они. Они-т сели в кабину, а мне-т посадили в кузов. Едут, едут, едут... Машина залезет в снег – не проедет, они вылезут, отроют, трогают. Я сижу! Нипочём! Ну, привязли мне в Вёшки: «Слазь!» Я стала слазить, а у мне вот тут вот так больно! *(информант хлопает ладонями по внутренней стороне бёдер – Т.В.)*. Все лытёнки² пообморозила. Ну вот, вошла в дежурку, а там один сторож говорить: «Садись, грить, к плиточке погреешься». А я села, да говорю: «У мне так вот тут, вот... больно, я наверна пообморозила. Да, говарю, мне ж завтра домой пустють?». А он так: «Пустють, дочинка, домой тебе, пустють». Ну, я посидела у плитки. Они вошли, щас шнурки с мне посымали, гребяшок на мне – ребятишки делали нам какии-та, железный, – грибяшок эт сня-а-али, пугавачки паатрезали..., у кухвайкю у этой – пряжку с мне узяли..., ну и в камару³ меня. Такая тут хата под низом – туда вапхнули. А там – полно баб сидят! «А-а-а-й! Новинькия!» – Ухватили меня, накрыли какой-то одеялой: «Признавайся, за что тебе посадили?» А я молчу. Никому ничё не говорю: срабела. А так я... ни, ничё не боялась. Я и не думала, что я буду сидеть долго. Ну вот. Они так со мной, они и сяк... Ночью ж привязли миня. Ну, я легла на пол, потянула вот так вот ноги, на спину [легла], руки на грудь положила и ляжу. Закрыла глаза. А они там смеются, то чё-нибудь начнуть жы какая-нибудь

¹ Плоткин – А.А. Плоткин – рабочий-двадцатипятилетний, председатель «Большого колхоза» в ст. Вешенской, главный прототип героя романа М.А. Шолохова «Поднятая целина» С. Давыдова. В описываемое А.С. Филимоновой время А.А. Плоткин руководил колхозом им. Буденного, центральная усадьба которого находилось в х. Лебяженском.

² Лытки – диал. 1. голени, 2. бедра (БТСДК, 2003: 271), лытёнки уменьш. от лытки.

³ Камара, камора, камура – здесь – камера (тюремная). На характер искажения повлияло бытующее в южнорусских говорах слова камора, комора – чулан, кладовка.

играть¹, там пойдёт плясать..., а мельцанер войдёт, да шумить: «Что вы там делаете?» А ани там: «Эт Филимонова!» Дуська была Землянухина, да пригундосывала: «Эт Хвилимонова!». Он так: «Чё вы? Она ляжыть как мёртвая, а вы над ней ишшо...». Ани засмяюца. «Отстаньте!» Уйдёт, а они опять.

Женщины были все местные?

Нет, не здешние – кто с Ялани, кто с Ерика, кто с Дубровки – кто откудава, но много, человек нас двенадцать было. Я знаю, с Моховского была беременная Фрося. Так, рябаватенькия трошки... уш то-олстая была – и иё посадили. Нюська с Моховского Мельникова, она в Вёшках сейчас живёт с мужем... Я её вижу в церкви иногда... Ну вот. Землянухина Дуся с Ерика такая боевая: «Да-а, вы тут покою не даёте никому, аж на улицу слышно!». «Да зачем эта улица поселилась возля тюрьмы? Па-а-думаишь! Возля тюрьмы улица поселилась! Снясите иё, чтоб мы ей не мяшали!». Ну и вот... Прасидели мы полтора месяца тут, в Вёшках. Потом погнали нас до Миллирова пеши. Конную подводу дали – мяшочки свои там поклали, кто чё из дома нам принёс чё. Полтора месяца мы в Вёшках просидели. Погнали нас. Пригнали в Миллирова, загнали в камару. Мы вошли туда: ляжить варежка шерстяная, во-о такая-то вот большая, и вошь, прямо вот, кипит² на ней. Кипятком! А нас туды вогнали. В нас как завялися во всех вши! Ай-яй-яй! А я так, на Нюську Мельникову: «Нюська, гля у тебе сколькя вшей!». А она так: «А у тебе нету? А у тебе тож вши!». Ну... А там такие есть девки... А нас уж туды посадили, нас много там, нас уж полна камура: человек тридцать – больше! А они бьют в двери: «Дежурный! Дежурненький! Переведите нас в другую камуру, нас вош поел!». А он ходить, ходить дяжурный по клядору, да будта ня слышит. Ну, били день, били два, били три – всё-тки перевели. Слышим, что кавой-та на этап погрузили, увязуть, а камура останется порожняя, а нас в эту камуру, стал-быть, перевядуть. <...> Ну, перевяли нас в эту камуру. А там крысы! Кипять! Бож-жэ мой, ядять нас крысы и на нас всю одёжу ядять. Мы же намучаемся, чё ш: «Ложись», эти положатся, а по очереди дяжурим, кто-не[бу]дь этих крыс отгоняем. От, котелки у нас алюминии[e]вые, кинешь – они куда попало эти крысы разбегутся. Вот этим спасались. Ну и ня знаю, сколько уш мы просядели... Выгонють нас на прогулку, разчистють нам снег, и вот, мы становимся в круг, руки назад, голову так, на низ и во так вот ходим... «Нюська, а ты бледная!», «Дуська, а ты бледная!». «А ты ня бледная? И ты бледная! Ну, так чаво ж?». «А ты худая!». Она: «И ты похудала...». «Молчать!» – конвойный. «Молчать!». Ходим... Сколько там, минут, что ли? Ну, ни день, не, ня пол-дня. И опять загоняють. Вот мы и говорим: «Когда нас на этап погоняють? Уж нас на этап бы забрали...». Ну, пришло время и на этап. Погрузили нас в вагон. Набили нас полно! Вот так стоим (*информант показывает, что плечом к плечу*) строго-на-строго... «Ну, давайте посидим?». «Давайте». «Ну, давайте садится». И все вот так вот... (*информант показывает, как весь вагон садился на корточки*). И тесно-притесно, один одному на колени садимся. А-а... взяли, да наш вагон и отцепили, оставили гдей-то, ня знаю. А мы чуем, что мы стоим на месте, никуды не движемся. А чё ж... Вот дадут нам баночку поллитровую гороху и ложечку, вот мы этой ложечкой всем по ложечке...

Что, на весь вагон давали одну баночку еды?

Да, эт нас тах-то кормили там... Да, да... Нас оторвали же [от состава] и мы стояли няделю или две. Ну, тах-та... и нас тах-т кормили. Вот принясуть нам в сутки раз... Это истинная прауда! Ну, вот... глядиш – начали жы люди мереть. Чё ж? Душно, голодные... Ноня одного, заутра другова, послязаутрава двух изнясуть. А нам стала попросторнее вроде. Ну и всё. Патом, значитя, поприцапили нас, повязли. Привязли нас в Каменск. Разгрузили. Пошли в барак. Ну, барак, как он, сказать... мож она тюрьма? Мы ж ня знали, что она тюрьма. Вобщем, двор такой большой, а всё рауно, войною побит: без окон... Ну вогнали нас туда, а там много-много... И мы все ложимся: энти туда головою, а эти сюда, а ноги так от, подряд. Ну, были-были, ну и чё ж? На работу! Ну, стали нас выгоняють на работу. Стали ходить траншей бить. Теперь роють тракторами, а раньше вот этот народ, есть какие отсюдава вербовались, и мы, заключённые... Лопатами! Кирка и лопата. От бьёшь киркою, а лопатой выкидываешь. Если ты выроешь метр – тебе, значитя, дадут двести грамм хлеба

¹ Играть – диал. 2. петь песни (БТСДК, 2003: 196).

² Кипеть – быть в очень большом количестве, кипеть (о насекомых) (СДГВО, 2011: 244).

к баланде твоей. А баланда такая: вскипятили воду, а туда порежут, сколько нас человек, ...вон такой-то ломотик помидорочки кладут. С жести с простой жести ржавленной понаделали нам чашек таких-то вот. Вот в эти чашечки наливают и половиночки кладут. Эт нас тах-то там кормили. Ну и вот, гоняют нас на работу, а что жы вырабатывают? Если конвой хороший, он возмёт и запишет, а нам дадут кусочек хлеба. А если конвой плохой, говорят: «Вы ня выработали» – нам ничё. Щё, придёшь, одной этой баландошки, воды, да и всё... Отбыли мы в Каменском. Повезли нас в Зверевскую. Разби-или нас всёх, и я попала с Мотькию Ворониной в Зверифской¹ с Яланской. Она так, пожилая уж была, а у ней двоя девчат дома оставались, девки уж, а она со мной там сидела. Ну, пригнали нас в Зверифской. Голодуем жы... чё ж, по-ошли на работу, рыть городы². Вот роем, роем, роем городы, а попадаютя коренья какии-то, вот как морковка, толька белая. Одна, другая... а я грю: «Мне не попадётся». Ну, одна вырыла – так, хороший корень, съела, мне попался такой, побольше пальца. И я съела. И Мотька это съела, Воронина, рядом попались. Ну, энта сразу прямо умярла, а нас... я ничё не помню, мне уж дяфчата говорили после: у мене из рота пена пошла. Я ничё ня помню: на чём, куда, как нас с Мотькой доставили? Мотьку вперёд выписали. Н-ну, как бы сказать, как мы в больнице были? Я помню, мене молоком поили, молока мне давали. Ну, мене отпечалвали³, в зону-та меня, стал-быть, привяли или принясли... Ну, вобщем, оказалась я в зоне <...>. Ну, все идут на работу, а на меня глянули, что я такая слабенькая, я никуда не дойду. Они меня оставляют в зоне. Вот там разбитая какая-то или столовая или не знаю чего, и говорят: «Ты тут кирпичи складай. Сюда целые – сюда половинки, сюда целые – сюда половинки». Вот энти все уйдуть в поле, на работу, на плантацию, хуть там помидорку съядят, а я в зоне где чё возьму? И в обедах меня никто одну не кормить хоть этой баландою, и там не бываю. Вот я складаю, складаю кирпичи, а там смола, а я возьму в рот смолу эту так и жую, и жую, и жую. Так целый день. Как чёй-та я, вроде, ем. Ну вот, энтим пережила, ня знаю, сколькя там. А Мотька оттудава – там строго было: обыскавают, Бож спаси ня принеси в зону ничё. А ей-то хочется мне-то помидорку-то принесть, знает, что я в зоне же голодная. Ну, один раз принясла. Ну, я рада была, ела эту помидорку! У нас хоть из зоны гонють – обыскивают, хуч у зону... А чё? На нас вон одна тюремная какая-та одёжа, больш ничё, где, чё схоронишь? Ну, хранили письма, хитрили! Вот обувка на нас какая, а мы в обувку положим и обуемся, а она же там под ногой, под лапой! Всё проверяют, а там не догадаются, а письмо-то там... А мы, когда нас гонють на работу по сорок человек, а кто-нибудь встряается, а мы только – раз! А он подымет и положыть, она и домой дойдёт. <...> Гнали нас на работу, а какой-то мужчина идёт, а я грю: «Девчат, у меня письмо». Щас, раз-раз... А конвой хороший. Был Григарец хороший. А одного только называли «Бедная мать, обосранные дети» – мы обижались на него, что он дюже был строгий. И вот при нём-то мы... Я выскочила сюда, а он идёт, мужчина, и я – письмо, а он, только, раз его, и обярнулси, кивнул: «положу». Ага, он, стал быть, положить... Письмо эта пошла моя домой. <...> А из дома ждёшь письмо-о как ворон крови! – с нетерпением. С ума схожу, девчатам рассказваю... а снится мне сон: гонять нас па городу, а большой-большой конь, красивый во сне мне снится, догоняет и кладёт мне голову на плечу. А я так: «Ой, ой, отбил мене от стади-та, ото всех, от тюремных» – эт мне так во сне снится. А я грю: «Ой, он мяне укусит!»». А он мяне так ласкаить, так ласкаить... да опять... так... так... пака я проснулась. А я проснулась и девкам рассказваю: «Ля, дявчата, мне какой-та сон приснился!». «Ну, какая-нибудь либа ложность?». Ну, никто не отгадал.

А что значит «ложность»?

Ну, бряхня. Говорят, что если лошадь увидишь во сне, то эта будет какой-то табе ложь, бряхня. <...> Ну, и пришли мы на работу, в столовую. У кого передачки – они эту баланду не ядят. А я, стал быть, вижу, что они оставляют, хожу и попью. И свою попью,

¹ Зверевская (колония) – одно из старейших исправительно-трудовых учреждений в Ростовской области, которое находится в н.п. Звереве, ныне - ФКУ ИК-1 ГУФСИН России по Ростовской области. С июня 1942 г. весь личный состав колонии был эвакуирован. Учреждение возобновило работу в марте 1943 г., в начальный период оно было ориентировано на сельхозпроизводство. Данные сведения позволяют уточнить даты нахождения А.С. Филимоновой в ИТК.

² Город – участок для выращивания овощей, огород (СДГВО, 2011: 118).

³ Отпечаловать – *диал.* вылечить, выходить (больного).

и эту попойку, и напьюсь досыта, стал быть, я наелась. Ну и вот, стал-быть, они мне, девки стали ругать: «Ты чё делаешь, Нюська? У тебе, глянь, какой живот!». Я грю: «А вам жалко? Оно всё рауно остаётся, выльют. А то – я попила». Они ня стали остаулять, а возьмут, да выльют. «Чё, грать, она пьёт, погляди, она уж такая пухлая!». Вот, знач, эт конь меня примоловал¹... Мы пришли в столовую, они-то все по-вылизли, пошли вперёд, а я-ж допиваю хожу эту юшку, и осталася сзади. Иду-иду, а мене одна шумить – Гала Колосова оттуда откуда-то из-под Кашар, [и] Фрося: «Нюська, Нюська! Скорей! Табе два письма из дома!». Мне лошадь-то снилася! <...> Вот тут-то мы тогда посадилися и говорим: «Вот, хороший сон!». Я коня-т видала! Примоловал меня конь. <...> Ну, побились у меня сапоги. Хожу разувши. Лёд ломается, а я бряду... На ком-т хоть какие-то, да есть обувчёлка. А ф тюрме так: кому-то есть и дають, а кому и не дають. И вот, у мене побилися, я хожу на работу, ломаю лёд, хожу... А один парень с нами в Вёшках сидел, Жорка звать, да шумить... Зона в два ряда: так вот ряд, и о так вот ряд – это мужская зона. Наша зона отличается: такая вышина и вышина громадная. «Чё-т разувши ходишь?». «Жора, да побились у мене сапоги!». «Да я их тебе починю!». «Жора, да как же я их табе передам?». «Да приди вот сюда вот, перекинешь их мне, а я табе их пчиню, и носи!». Ну, пошли мы в столовую. Я нясу эти сапоги. Он вышел, стоять, ждётся... Так, спасибо, ни один сапог не упал промежду! Его-ж не достанешь, а если найдуть... А тогда что? Еще в тюрме да еще тюрма: карцер. А в карцыр посодють, а там сколько продержуть, не пить, не есть не дають. Выдержышь – так жыв, а нет – так умирай, Бог с тобой! Там никто стал-быть не дорожил об нас. Народу много погибло. Я думала весь мир в тюрме сидить, как я сидела, сколько миру у нас сидела... Ну, починил он мне сапоги. Договорились, когда я приду за этими сапогами. Он придёт – мне не видеть. Я приду – яво ни вижу. Ну, что делать? Увидала! Шумить: «Нюська, Нюська!». «Чаво, Жор?». «Сапоги починил». «Ну, давай!». «Попустить мне?». Перекинул один и другой перекинул! О-й! Тут я обулась, начала в сапогах ходить!.. Ноги болят – няхай баять тяперя... (плачет). Все города пеши исходила... Скотину гоняли, эт уж посла тюрмы так... я пришла, налоги были громадные...

А когда Вас освободили?

Да, выпустили когда меня? Осинью. Я знаю, что я вышла с Зверевского... Моя судимость да попала под второй этап. В общем, на первой судимости амнистия, вишь как? Вот, стал-быть, мы сидим, а одна, Лена Виниченко, зелёный костюмчик на ней и таких же она моих годов, по моему, по двадцать нам, [рассказывает]: «Господи, кто б сказал, когда война коньщится?». А Он (Бог), грить, мне под ухо говорить: «”Да девятого числа!“, девчаты, так!». «Ой, да не обманывай, ты, Ленка!». «Да, прауда, девочки, тах-то было!». Дня через три, девятого числа объявляют: «Война кончилась». О-ой, Боже мой, сколько радости! Нас на работу не погнали, а выгнали в зону, по-поставили нас по сорок человек в сколько колоннов по зоне – я ж говорю: я думала весь мир сидить. И начали объявлять. Энтот [начальник] там стоять, объявляет один на три колонны. Эти тут, эт тут: всем, чтобы было слышно. Всем объявили. Так радости! Так радости! Было! Боже мой, ни работать нас не погнали, ничё. А потом, че-зо время пришол закон такой, что да трёх лет отпускать совсем, а если выше – то пополам. Знач: пять пополам, десять пополам. Ну, там есть девчаты не признавалися по-сколько. А мы-т, наш брат – кому по-пять, кому по-сколько, – эт уж когда судили. А я уж была судимая. А их вызовуть туда, приходять, давица, кричить ... «Ды чё ты кричишь²? Скулишь?». «Да пять лет!». Ну вот... Пойдётся другая – Нюська: «Пять лет!». Пойдётся Дуська, приходит, кричить: «Пять лет!». А я грю: «А мне три», – всех меньше: я уж осуждённая была. Ага. Ну вот, стало быть, появили тах-то, пополам. О-ой, сколько опять слёз! Кому-то домой идтить, а хтой-то остаётся еще сидеть. Ко мне подошла Нюська Мельникова, ухватилася за мене, закричала: «Ты, Нюся, пойдёшь домой, а мне пять лет, мне пополам...». А просидели мы по два? Да, по два года. Ну, [с]пасиб, я два года отсидела. Ну вот. Ну, вызывают фсех и вызывают фсех домой и вызывают, а мне нет – и фсё с Зверифскава. Снится мне сон: я говорю сестре Жене: «Женя!»... А сперва мне приснился брат Костя. Я ляжу, вроде сплю, а мне кажется, я не спала... Патом меня труханули: «Нюрка, ты скоро? А то мы тебе ждём». Я вскочила и так, с торопыху и закричала. А они так:

¹ Примоловать – диал. приветливо, ласково относиться (СДГВО, 2011: 476).

² Кричать – диал. плакать (БТСДК, 2003: 241).

«Ты зачем кричишь?». И все: «Не кричи!» Ви(ди)шь, там нельзя кричать, надо быть всегда весёлым, а если кричать... там чё ш? Ну, всё. Потом, значца, снится мне сестра Женя. Я гварю: «Женя, да подайте вы на Москву амнистию, да чё же я сижу, когда же я домой пойду?». А она так: «Нюрка, да с десятого». Ну, я эт, встала, девчатам рассказала. А числа девятого было, тах-та... Вот тябе, знач, одиннадцатого числа входит какой-то, документ читаеть, да называеть: «Филимонава!». А я так: «Анна Сергеевна Вёшенского района хутора Либяжыва Ростовской области...». «Выходи!». Ну чё? У меня котялочик алюмяневый..., – бывало ядим, а клопы, прям, сыпяца ф котялочек, прям, в этат... ни у одной меня, у во всех... На мне юбка какая-то то-олстая. Шили мне эту, тюремную туда. Мама с себе сняла кофточку баракановую¹ к этой к юбке мне туда и платёночку мою беленькую туда положили... Ну, больше у мене ничего не было. Это у мене такой был наряд и белая косыночка. Вот я ходила в этой юбке и в этой кофточке. Мне было двадцать лет. И покроюсь чёрной шалькой. Была камешировая², а мне иё пополам перядрали, сабе узяли, покрылись и мне эту половинку дали. Я в этой шальке камешировой тоже хожу, покрывшись, а они мне тах-та: «Бабка! Бабка!». А я думаю: «Да зовите «бабка», а я молодая, я моложе вас всех». Придём на работу: «Дайте бабке грабли, няхай она подгрябаеть, а то её тяжело таскать», копним. Жуём пашаницу. У мене всю жисть эти салазки³ болели, жевала тах-та. А там положуть их в трактор, там, в радиатор, ды... там она покяпить, помягчить, потом... и мне доставалось, я жевала. Картошку подрывали, сырую ели. Да там мы ей рады были, ой! Тыкляты⁴... Бувала, поля (подем? – Т.В.), а мы шумим: «Глядитя, там мой тыклёнок, если дойдёте, не бяритя, он на моём ряду, я его сама съем!». Эт тыклята, бывало, ядим такии-та... Ну, ладна. Зовуть мене «бабка» и зовуть, а мне всё легче: хожу с грабляй и хожу. А ... парень моих годов, Ваня Брызгалин, – хорошенький мальчик такой был, – вот он мне нравится. Я так: «Ванька, Ванька!». А он говорить: «А как тебе звать, тётка?». Вишь, они меня «бабкой» зовуть, а он видить, что молодая, стал меня «тёткой» звать: «Как тебе зовуть?». «Да я ни скажу». А он опять. ...А я говорю: «Нет, не скажу!» А потом, знач, он доглядел: «Ну, скажи, как тябе звать?». А я тогда и говорю: «А тябе... Ванька, ты чей?». А он: «А я Брызгалин с Боковской». А потом... наши играють там песни всякие тюремные, там такие свои. И я их все знала, забыла ихние песни. <...> Вот один мужчин пожилой зятянул «Из-под тоненькой белой блузочки тяжело моя дышала грудь...»⁵ (*плачет*) А я говорю: «Да так-то и у нас...». А он: «А ты откуда?». «Да с Вёшек, иде Шолохов». Они так все: «Не обманывай! Ты ня говори, ты ня с Шолохова». Я: «С Шолохова, я его даже видала, к нам в колхоз приезжал он, сюда к Плоткиному, с нашими бабами тут собранию собирали!» <...> Потом раз[о]блачили мене, что я молодая. «Ишь, говорят, ты какая!». Они по юбке мене, по кофточке «бабка»... Ну и вот табе. Стал-быть, стали нас домой спускать. Я последняя вышла с турьмы⁶, вышла за [ограду] зоночки и... а я гварю: «Куда я пойду? Я ш ня знаю, куда идтить. Фу, д я спустюсь вот сюда, в лог, там люди же живуть... из зоны-то». Ну и спустилась, подошла к деду с бабкою, а они... у них корова, молоко, тыклов, початок⁷... «О-ой, с турьмы? Да милая, да моя доченка!». Да ты там... они меня так приняли, посадили кормить меня. У меня под мышкой порожний мяшок и документы, а больш ничё нет, чё мне с собой? Кто давал чё? А сперва накормили, напоили, а я: «дедушка, а я ня знаю мне где и на станцию идтить?». «А я тебе, дочушка, сейчас отвяду к поездам, к железной дороге». А какие поезда стоять вместе с вагонами, а какие туды-сюды. Он мене пказал: «Вот по этой линии⁸ будут идти и ты сядешь». А я грю: «Да я сяду, а чем же я буду платить?». «Фу-у, да как-нибудь я тебе посажу» Ну, ладно... Подшел с военными – куда они едуть, мож кто домой? Вагон мне попался. Подвёл он мене к ним, да грить: «Возьмите. Она, грить, с турьмы».

¹ Баракановый – сделанный из барокана – грубой шерстяной материи обычно использовавшейся для обивки мебели.

² Камешировый – *искаж.* кашемировый, сделанный из кашемира.

³ Салазки – *диал.* челюсти (БТСДК, 2003: 469).

⁴ Тыклята, тыклёнок – *диал.* маленькие незрелые тыквы, уменьш. от тыкля, -ы.

⁵ Протяжная лирическая песня популярная на Верхнем Дону и в Прихоперье.

⁶ Турьма – *фонетич. жарг.* тюрьма.

⁷ Початки – *диал.* кукуруза (БТСДК, 2003: 414).

⁸ Линия – здесь - железнодорожный путь.

«У, давай её сюда! Счас, мы её к сабе». А их много-много там. Пожилые солдаты, молодые... Ну, стали. Я гварю: «да я с тюрьмы...». А один говорить: «Счас будуть проверку делать и скажуть, на что вы сюда женчину посадили?». А они: «Ну и няхай идуть!». И тольк проговорили и тут идуть с проверкой: «А эт зачем сюда?». «Да вот, она с тюрьмы». «Да их тут будеть много!». А они: «Нет, мы её не дадим! У нас матеря, у нас сёстры, у нас дети... все сидять по тюрьмам, все страдают. Не смейте трогать!...». «Пусть до Каменского, там пересадка». Ну, тах-та. <...> Ну, доехали мы до Миллирова, ссадили они мене. Два побегли мене на Вёшки искать (транспорт – Т.В.), чтобы меня на чём-то отправить, а двое, стал-быть, побегли, купили мне два пирожочка. И приносять эти два пирожочка, мне навязывают, а я... думаю: они ж сами голодные, а мне отдадут, да и не бяру. «Возьми, возьми, возьми!». Ну, взяла. Эти прибегают: «Скорей, машину тебе нашли, до Вёшек доедешь!». Ну, думаю, стал-быть, доеду.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РНФ «Войны и население юга России в XVIII – начале XXI в.: история, демография, антропология» (17-18-01411).

Литература

БТСДК – Большой толковый словарь донского казачества: ок. 18 000 слов и устойчивых словосочетаний / М.: ООО «Русские словари»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. 608 с.

Воронина, Утехин, 2006 – Воронина Т., Утехин И. Реконструкция смысла в анализе интервью: тематические доминанты и скрытая полемика // Память о блокаде. Свидетельства очевидцев и историческое знание общества: материалы и исследования / под общ. ред. М.В. Лоскутовой. М.: Новое издательство, 2006. С. 230–261.

СДГВО – Словарь донских говоров Волгоградской области / авт.-сост. Р.И. Кудряшова, Е.В. Брысина, В.И. Супрун, под ред. Р.И. Кудряшовой. Волгоград: Издатель, 2011. 704 с.

Скорик, 2007 – Скорик А.П. Прототипы шолоховских героев в документальных источниках по истории донского казачества 1930-х гг. // *Власть*. 2007. № 2. С. 135–137.

Щеглова, 2008 – Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история: монография. Барнаул: БГПУ, 2008. 528 с.

Щеглова, 2011 – Щеглова Т.К. Устная история: учебное пособие. Барнаул: АлтГПА, 2011. 364 с.

References

BTSDK – Bol'shoi tolkovyi slovar' donskogo kazachestva: ok. 18 000 slov i ustoichivyykh slovosochetanii (2003). [Large explanatory dictionary of the Don Cossacks: approx. 18,000 words and stable phrases]. M.: ООО "Russkie slovari": ООО "Izdatel'stvo Astrel": ООО "Izdatel'stvo AST", 608 p. [in Russian]

SDGVO – Kudriashova, R.I., Brysina, E.V., Suprun, V.I. (comp.) (2011). Slovar' donskikh govorov Volgogradskoi oblasti. [Dictionary of Don dialects of the Volgograd Oblast]. Volgograd: Izdatel', 704 p. [in Russian]

Shcheglova, 2008 – Shcheglova, T.K. (2008). Derevnia i krest'ianstvo Altaiskogo kraia v XX veke. Ustnaia istoriia: monografiia. [Village and peasantry of the Altai Territory in the XX century. Oral history: monograph]. Barnaul: BGPU, 528 p. [in Russian]

Shcheglova, 2011 – Shcheglova, T.K. (2011) Ustnaia istoriia: uchebnoe posobie. [Oral history: study guide]. Barnaul: AltGPA, 364 p. [in Russian]

Skorik, 2007 – Skorik, A.P. (2007). Prototipy sholokhovskikh geroev v dokumental'nykh istochnikakh po istorii Donskogo kazachestva 1930-kh gg. [Prototypes of Sholokhov's heroes in documentary sources on the history of the Don Cossacks in the 1930s]. *Vlast'*. 2: 135-137. [in Russian]

Voronina, Utekhin, 2006 – Voronina, T., Utekhin, I. (2006). Rekonstruktsiia smysla v analize interv'iu: tematicheskie dominanty i skrytaia polemika. [Reconstruction of meaning in interview analysis: thematic dominants and hidden controversy]. *Loskutova, M.* (ed.) Pamiat' i blokada. Svidetel'stva ochevidtsev i istoricheskoe znanie obshchestva. Moscow: Novoe izdatel'stvo, pp. 230-261. [in Russian]

Война: колхоз и тюрьма. Интервью с А.С. Филимоновой из хутора Лебяженского Шолоховского района Ростовской области

Подготовка к публикации, вступительная статья и комментарии

Татьяна Юрьевна Власкина ^{а, *}

^а Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. Фрагмент большого автобиографического интервью с Анной Сергеевной Филимоновой посвящен военному периоду. Анна Сергеевна принадлежит к роду верхнедонских казаков Филимоновых, внесших заметный вклад в события Гражданской войны и коллективизации. Сама Анна Сергеевна в первые дни Великой Отечественной войны стала трактористкой колхоза им. С.М. Буденного, во главе которого стоял А.А. Плоткин – признанный прототип героя «Поднятой целины» С. Давыдова. Самовольно забрав из хранилища овощи, причитавшиеся ей как плата за трудодни, Филимонова совершает серьезный проступок, который оценивается по законам военного времени как кража социалистического имущества, получает 5 лет исправительных работ. В своем интервью Анна Сергеевна рассказывает о повседневной жизни молодежи колхоза военного времени, о самоотверженной работе, юношеском энтузиазме, но и о постоянном голоде, нечестности и пренебрежении к людям со стороны руководства. Тема бытового фатализма продолжается ею в рассказе о тюремном быте, который оказывается вписанным в привычные реалии войны. Как носитель казачьей традиции, А.С. Филимонова передает подробности своей жизни сочным верхнедонским диалектом, в ткань бытового рассказа вплетаются фольклорные образы, приметы и суеверия. Интервью с А.С. Филимоновой является ценным источником по военной повседневности и мировоззрению советского человека первой половины XX века.

Ключевые слова: А.С. Филимонова, автобиографический рассказ, война, голод, колхоз, судьба, тюрьма, хутор Лебяженский.

---

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: vlaskiny@mail.ru (Т.Ю. Власкина)